

УРВАНЦОВЫ

Отец и сын

Марина Баранова

Берлин нехорош зимой. Нет в эту пору главного, что составляет его прелесть: живой шелестящей зелени бесчисленных городских парков и растущих вдоль улиц мощных деревьев, раскидистых, как огромные шатры, и превышающих часто старые пяти, шестиэтажные дома.

Стоят они зимой голые, темные под низким серым небом. Мог бы снег облагородить картину, но снега нет. Зимы в Берлине в основном бесснежные. Дожди бывают, солнечные дни с пронизывающим тебя насквозь ветром случаются, а снег выпадает очень редко и тает почти сразу. Не хватает его.

Зато уж если весной повеет, меняется все стремительно: птичий грай становится оглушительным, ребячьи на детских площадках активно задействует качели-карусели, собаки бурно носятся за мячиками и друг за другом, а в парках и в палисадниках у домов то тут, то там появляются — пока еще робко — выбравшиеся из своих нор зайцы-кролики.

В предвесеннее время я чаще наблюдаю вместе этих двоих — отца и сына. Весна располагает к общению, и их встречи становятся более регулярными. Совсем по-московски они допоздна засиживаются на тесноватой кухне, решая животрепещущие для обоих проблемы; их можно увидеть в парке, мирно прогуливающимися и занятыми беседой или азартно кидающих мяч в кольцо на баскетбольной площадке; они спешат к ближайшей станции метро со спортивными сумками за плечами — ага, едут на фитнес!

Старшему подходит к семидесяти, младшему не так давно перевалило за сорок. Старший — среднего роста, коренаст, младший — повыше, покорпулентнее. Один уже простился со своими волосами, в шевелюре второго превалирует седина.

Отец и сын.

Писатель и художник.

Представители разных поколений, обладатели разных

взглядов на жизнь, они, тем не менее, находят общие интересы и пристрастия.

Какие? Да самые разные: от духовных и профессиональных до вполне «физических» — спорта, особенно футбола. Ну, разумеется, и родственную близость оба ощущают, как же без этого.

Смотрю на них, и не дает мне покоя мысль: а как общались между собой те, другие отец и сын, писатель и художник? Да и было ли оно, это общение? Может, их подтачивала вражда друг к другу? Так, к сожалению, тоже бывает, и нередко. Может, разошлись, как корабли в море, и, живя в одном городе, проходя по одним и тем же улицам, просто перестали замечать один другого?..

В 20-х годах XX века они жили где-то в моем районе, ибо именно здесь располагалась тогда огромная «русская колония». Думая о них, пытаюсь представить их себе, я вынуждена была долгое время руководствоваться только своим воображением. Пока однажды не наткнулась на их фотографии — почти столетней давности и плохого качества.

После долгих бесплодных поисков это был успех и подарок судьбы. Но, как любила говорить моя бабушка, не будем бежать впереди паровоза. По порядку, по порядку — сначала о том, как вообще возникла эта тема.

Вид деревни Содау

Групповой портрет писателей.
Крайний справа — Лев Николаевич Урванцов

ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ ИДЕЯ

Причина и источник всего — опять и снова «Синяя птица». В процессе работы над статьей о ней мне встретилась уйма людей — знаменитых, известных и не очень, — кто в том или ином качестве сотрудничал с этим театром-кабаре. Чьи-то судьбы удалось проследить более или менее подробно, о ком-то почти ничего не было известно. Я очень радовалась, когда удалось найти достаточно подробную информацию о жизни художницы Елены Лисснер-Бломберг, в результате чего появилась статья «Хитросплетение судеб» («Иные берега» №1(41) 2016).

Но вот во время поисков в Интернете то тут, то там замелькало имя художника Михаила Львовича Урванцова. В основном речь шла о книгах, проиллюстрированных или оформленных им. Среди поступающих в продажу антикварных книг назову несколько, привлекающих мое внимание.

Краснов П.Н. Домой. — Париж, 1936. (Прижизненное издание атамана Краснова). Обложка М.Л. Урванцова.

Краснов П. Опавшие листья. — Берлин, 1923. (Прижизненное издание атамана П.Н. Краснова). Обложка М.Л. Урванцова.

Oraison Liturgique. (На фр. яз. Перефразирование повседневной молитвы Эмиля Гуирана). Гравюры Михаила Урванцова. — Buenos Aires, 1946. Малотиражное библиофильское издание, напечатанное тиражом сто шестьдесят

экземпляров и содержащее иллюстрации в лист художника русского зарубежья Михаила Урванцова.

Но я-то уже знала, что он был не только книжным графиком, но и художником театра, сценографом; знала и то, что на одной из самых масштабных акций русской эмиграции, Балу русской прессы, состоявшемся 24 ноября 1922 года, по эскизам и наброскам Урванцова были построены киоски прессы и Союза сценических деятелей. А в то время, в 1922 году, ему было всего 25 лет.

Молодой! Талантливый!

Стала я искать информацию о нем, обратилась к его «корням» и... неожиданно для себя обнаружила, что меня ждут сюрпризы.

ОТЕЦ

Оказалось, что отец нашего героя не менее интересная, достойная внимания личность — писатель.

Лев Николаевич Урванцов.

Не столь знаменитый, как его всемирно известный тезка, но в свое время достаточно популярный. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона есть о нем короткая статья: «Урванцов Лев Николаевич, писатель, род. в 1865 г. Окончил курс в Казан. унив. по физико-математическому факультету. Поместил ряд рассказов в «Русской Мысли», «Историческом вестнике», «Жизни» и других журналах и газетах. В 1904 г. издал книгу рассказов под назв. «Ночь». Из драматических произведений У. ставятся «Фрейлина», «Поток», «Грешная» и др.».

Я, вестимо, возликовала, найдя эту справку, а потом... потом ее практически дословное повторение мне встретилось еще в целом ряде энциклопедических и справочных изданий, где фигурировало имя Льва Урванцова.

И все-таки, прочитав их все, я обогатилась еще кое-какими сведениями. Узнала, в частности, что «Урванцов Лев Николаевич — православный, женат (на 1.05.1907). ...Вступил в службу (4.11.1890), статский советник... Служба: в МВД (4.11.1890), чиновник особых поручений 4-го класса по общим делам при министерстве внутренних дел (17.09.1906 — после 1.05.1907), и.о. бухгалтера старшего оклада Департамента общих дел МВД (1.01.1903 — после 1.05.1907). Награды: СЗ, А2, медаль в память Царствования Имп. Александра III, медаль в память Коронации 1896 г.

Источники: Список лиц, служащих по ведомству МВД, ч.1, 1.05.1907».

Значит, до того, как ступить на творческую стезю (или параллельно с нею), человек отдал дань государственной службе. А дальше он уже «русский драматург, критик и беллетрист, сотрудник изданий «Р. Жизнь», «Южный Край», «Театр и Искусство», «Биржевые ведомости», «Отдых», «Курьер», «Р. Мысль», «Стрекоза», «Осколки», «Исторические Ведомости» и др.».

Печатался, к слову, под всевозможными псевдонимами, чье количество пропорционально количеству изданий.

Подробнее всего рассказала об Урванцове «Театральная энциклопедия». В ней значится: «...Автор популярных в предреволюц. годы пьес, широко шедших в столицах и провинции: «Вера Мирцева» (1915, петерб. Т-р Литературно-художеств. об-ва, Моск. драм. т-р), «Благодать» (1916, Малый т-р), «Зверек у белого камня» и др. У. принадлежат также одноактные сцены, инсц. романа «Петербургские труппы» Крестовского (1917).

Пьесы У. насыщены занимательными перипетиями, их сюжеты заимствованы порой из сенсационной хроники, интимно-психологич. переживания героев носят, как правило, поверхностный характер.

У меня не было возможности ни опровергнуть последнее утверждение, ни согласиться с ним — пьес я не

Церковь, неподалеку от которой похоронен Л.Н. Урванцов

читала, их постановок не видела. Пожалуй, единственное место, где можно было бы сегодня с ними познакомиться, — Государственный центральный Театральный музей им. А.А. Бахрушина, или, как его называют, Бахрушинский музей. В его архивах хранятся драгоценные документы: рукописи Урванцова, его воспоминания, дневники, пьесы. И письма. Как его самого, так и к нему. Среди корреспондентов драматурга — К.С. Станиславский, Вл.И. Немирович-Данченко, Н.Н. Евреинов и другие знаменитые деятели театра.

Даже не зная содержания их переписки, сам ее факт немаловажен и значим.

Разумеется, я тут же написала в музей, мечтая ознакомиться и приобщиться. У меня уже был замечательный опыт работы с некоторыми немецкими музеями, когда я собирала материал о других своих героях, и мне казалось, что уж со своим-то, московским, проблем не возникнет.

Не тут-то было. В течение полутора месяцев я дважды писала и дважды звонила в музей. Беседовала с сотрудниками. Объясняла.

Мне обещали, со мной были вежливы и корректны. И снова наступала тишина.

Я опять ждала. Время шло.

В конце концов мои временные возможности были исчерпаны. Пришлось отказаться от идеи, которая представлялась сначала такой плодотворной.

Увы, альянс не сложился.

Тем не менее мне удалось еще кое-что узнать о Льве Урванцове.

Он был упомянут на сайте Белого движения в числе его участников. Значит, воевал, сражался за свои идеалы и вынужден был покинуть Красную Россию.

Вместе ли прибыли в Берлин отец и сын, или каждый добирался сюда своим путем, — неизвестно. Да и не суть важно. Главное — оба одновременно оказались здесь, и началась для них иная жизнь.

Как известно, Берлин 1920-х годов в течение нескольких лет был одним из крупнейших центров русской эмиграции. И, в частности, русской литературной эмиграции. В то время здесь было создано и плодотворно работало множество издательств, выпускавших произведения отечественных писателей, классиков и современников, навсегда или на время покинувших родину, и тех, что продолжали жить и работать в новой России.

Разные издательства придерживались и разной политической ориентации. Нас же интересуют прежде всего те, где издавался Урванцов-старший. А издавался он тогда немало, и с 1921 по 1923 годы вышел в свет целый ряд его произведений.

Например, издательство «Ольга Дьякова и Ко», которое работало в Берлине с 1920 года и специализировалось, в основном, на современной художественной литературе, только в 1922 году выпустило следующие пьесы Л.Н. Урванцова:

«Вера Мирцева. Уголовное дело. Пьеса в 4-х актах».

«Зверёк. У белого камня. Пьеса в 4-х действиях».

Кроме того, в это же время здесь вышел его роман в двух частях «Пьяный мир».

Годом раньше увидел свет другой роман писателя — «Со святыми упокой...». Его выпустило издательство «Русское творчество» (Берлин).

А в середине 1923 года берлинским издательством «Медный всадник» был опубликован его роман «Завтра утром» — единственный, на который написана рецензия филолога и критика А.Ю. Арьева «Реальность без реализма».

Очень важным для меня документом оказалась эта рецензия. Не имея возможности прочитать сам роман, благодаря ей я получила представление о содержании, идеях, стиле, достоинствах и недостатках романа и о политических установках его создателя. А еще — о реакции на роман современных автору «критиков», как на родине, так и в эмиграции.

Слово «критики» пришлось заключить в кавычки, т.к. ни эмоции политических противников, ни оголтелое злопыхательство, ни истерические выпады и оскорбления в адрес автора к анализу его произведения отношения не имеют.

Всех, кто интересуется содержанием книги, могу отослать к упомянутой рецензии А.Ю. Арьева, где оно (со-

Старший брат Сергей Николаевич Урванцов

держание) вполне раскрыто. Я же хочу процитировать его утверждение, расставляющее кое-какие точки над «i»: «...Очевидно, именно после романа «Завтра утром», в том же 1923 году, из репертуара советских театров были изъяты еще ставившиеся в союзе пьесы его автора».

Не правда ли, знакомая ситуация: писатель остается верным своим взглядам, и родина его исторгает. Случай далеко не исключительный, но всегда ломающий человеческую судьбу.

Итак, нет больше в Советской России драматурга Льва Урванцова, автора шестидесяти пьес...

Как же складывается его жизнь в эмиграции? Чем он заполняет дни, помимо издания своих книг?

Есть свидетельства, что Урванцов был «активным участником» берлинского журнала «Театр и жизнь», выходившего с подзаголовком: «Журнал, посвященный пропаганде русского сценического искусства за границей».

Существуют и другие упоминания о нем. Так, в «Летописи русского кинематографа за рубежом» говорится, что 30 января 1924 года, в клубе Русских сценических деятелей «драматург Лев Урванцов прочел доклад «Актер в кино»...

В какой именно момент своей жизни Лев Урванцов переехал из Берлина в Чехию, отследить не удалось. Но уже летом того же 1924 года в пражской кофейне «Далиборка», названной в честь средневекового рыцаря

Далибора, стала собираться группа относительно молодых русских литераторов.

Очередной документ гласит: «...Частыми гостями (здесь) были представители старшего поколения русских писателей... (Среди них) прозаик и драматург Л.Н. Урванцов».

Но все эти свидетельства — даже не штрихи к портрету, всего лишь «мелкие зарубки на древе вечности», как образно определил в свое время поэт Я. Аким жанр дневниковой прозы писателя Ю. Коваля.

Как я ни старалась, пазлы не складывались, не получалось, чтобы сухие факты обрели плоть, наполнились живыми человеческими чувствами. Тьма вопросов мучила меня, а ответов на них не было.

И стала я ворошить родственные связи Урванцовых.

БРАТЬЯ

Жили-были три брата: старший, средний и младший. На этом, пожалуй, сказочный зачин будет исчерпан. Потому что невозможно и неправильно сказать, что кто-то из них «умный был детина», кто-то «и так, и сяк» и уж тем более дураков в семье не водилось. Все были умными, и у каждого имелся свой талант.

Старший брат — Сергей Николаевич Урванцов (1863–1937) нашел себя на врачебном поприще. В 1893 году он окончил медицинский факультет Казанского университета, а в 1898-м получил звание доктора медицины.

Тяжелые малоизученные болезни были в те времена страшным бичом. Особенно свирепствовал туберкулез. Горячий энтузиаст своего дела, Сергей Николаевич возглавлял в 1902 году туберкулезный санаторий Красного Креста в Уфимской губернии, позже переехал в Минск.

Там еще в 1862 году было создано Общество врачей, которое стремилось помогать бедным людям. Благодаря его усилиям в 1897 году в городе открылась бесплатная лечебница, еще до конца XIX века появились больница санитарного комитета и амбулатория, а в начале XX — инфекционная лечебница.

Доктор Урванцов сразу стал активным членом этого Общества, а вскоре и его президентом. Вплоть до 1917 года он работал врачебным инспектором Минской губернии.

Именно он выступил инициатором проведения в Минске благотворительной акции «День белого цветка». И вот что представляло собой это мероприятие.

11 мая 1911 года на улицы Минска вышли молодые люди и зрелые мужчины и дамы с корзинами белых бумажных цветов. В руках у них были кружки для сбора пожертвований, через плечо перекинута лента с надписью «На борьбу с чахоткой».

Волонтеры старались выбирать особо людные места: городские парки, где обычно прогуливалась солидная публика, центральные улицы, рестораны и кинотеатры. Они предлагали минчанам приобрести белый цветок за любое пожертвование, и люди охотно шли на это. Каждый из благодетелей получал белый цветок, который молодая очаровательная девушка прикрепляла к их одежде. Собранные средства направлялись потом на помощь больным: закупились медикаменты, оборудование, одежда.

Николай Николаевич Урванцов в одной из ролей

Был Сергей Николаевич и автором более пятнадцати научных публикаций, в том числе трудов по теории и практике развития медико-санитарного дела, по борьбе с инфекционными заболеваниями. Им же был написан и «Медико-санитарный очерк города Минска».

По его инициативе была создана и заработала в белорусской столице скорая медицинская помощь, чьи врачи, в частности, выхаживали в 1911 году пострадавших от натиска толпы во время полета авиатора Уточкина над Комаровским выгоном.

Пострадал ли он после октябрьского переворота? Мог ведь и пострадать, имея родного брата — белогвардейца и эмигранта... Однако, судя по всему, обошлось. В советское время он работал заведующим лечебным и санитарно-эпидемиологическим отделами Минского губернского отдела охраны здоровья БССР, а затем — главврачом нескольких минских больниц.

И хотя умер доктор в начале (5 января) страшного 1937 года, но, похоже, в своей постели. Он похоронен на Военном кладбище Минска.

Средний брат — Лев, наш главный герой, был всего на два года моложе Сергея. А вот между обоими старшими и младшим, Николаем, пролегло, соответственно, тринадцать и одиннадцать лет.

Так-то оно так, но профессиональные устремления у Льва и Николая оказались родственными. Обоих влек и

*Николай Николаевич
Урванцов в одной
из ролей*

манил Театр. Только, если Лев стал прозаиком и драматургом, Николай выбрал подмостки — стал актером. Впрочем, и режиссером он был тоже, и драматургии не чуждался. Даже как поэт себя проявил. На сайте под названием «4000 Русских стихов (1800–1940)» приводится первая строка его стихотворения «Я друга хоронил...» \ Пр., 1907, №7».

Справочная статья о нем лаконична и гласит: «Николай Николаевич Урванцев (Урванцов). Родился в Казани 1 августа 1876 г., умер в 1941 г. Актер, режиссер. В 1906–07 гг. играл в Театре им. В.Ф. Комиссаржевской, в 30-е — в театре «Кривое зеркало», снимался в кино.

Известен как литератор-юморист, особенно в жанре театральной пародии. Ему принадлежат пьесы «Жак Нуар и Анри Заверни, или Пропавший документ» (переизданная в 1976 году издательством «Искусство» в сборнике «Русская театральная пародия XIX — начала XX века» и экранизированная в 1996 году), «Восторги любви», «Судьба мужчины» и др.».

Кроме этого, имя его встречается в воспоминаниях современников.

Режиссер, драматург, историк и преобразователь театра, к тому же полный тезка младшего из братьев Урванцовых, Николай Николаевич Евреинов упоминает в мемуарах Льва, с которым ему доводилось вместе работать. Известно, например, что в 1913 году, накануне Первой мировой войны, шла оперетта Н.Н. Евреинова и Л.Н. Урванцова «Беглая», которую, кстати, оформлял для «Палас-театра» Сергей Судейкин. Однако в своих воспоминаниях автор

«слегка» путает братьев и принадлежащие их перу пьесы, приписывая Льву то, что написал Николай.

По этому поводу в «Телефонной книжке» Е.Л. Шварца значится: «Урванцов Л.Н., которому ошибочно приписываются сочинения Урванцова Н.Н.».

Упомянут Н.Н. Урванцов и в дневниковых записях за 29 и 31 декабря 1906 года М.А. Бекетовой, тетей и первым биографом А.А. Блока...

Как и старший из братьев, жизнь свою Николай прожил на родине и умер в 1941 году, возможно, накануне или уже во время начавшейся Второй мировой войны... Дата его ухода нигде не уточняется.

Поддерживали или нет братья хоть какие-то связи? Существовала ли переписка между ними?.. Вопросы, так и оставшиеся для меня без ответов.

ВГЛУБЬ, К ОСНОВАТЕЛЯМ РОДА

Прошлое, настоящее и будущее — единый процесс. Взаимозависимость их очевидна, и новые события человек проживает не с чистого листа, а с памятью о прошедшем...

Самой мне не довелось посетить Казань, но друзья мои там бывали и неоднократно. Я спросила, знают ли они старинный дом на углу улиц Карла Маркса и Миславского. Оказалось — нет. Мимо могли проходить, конечно, но внимания не обращали. Да и не удивительно. Строение давно стало невыразительным, невзрачным, неинтересным. Сплошные «не»!

А между тем здание это — на протяжении десятилетий

«Гнездо рода Урванцовых» в Казани

много раз перестраивавшийся и менявший свой облик памятник архитектуры рубежа XVIII — XIX веков. И речь у нас зашла о нем потому, что с 1814 года дом и прилегающий к нему участок земли перешли во владение именитого купца Никифора Степановича Урванцова. Сам же Никифор Степанович был сыном человека, считавшегося главой и основателем рода — Степана Ивановича Урванцова.

Родился Степан Иванович в 1747 году, владел двумя солидными домами, торговал российским сукном в Гостином дворе, активно участвовал в общественной жизни города, пользовался доверием и уважением сограждан, избирался в городскую Думу.

В дальнейшем традиция деятельной общественной жизни, репутация достойных и честных людей поддерживалась всеми поколениями рода.

Никифор Степанович был купцом первой гильдии, почетным гражданином и имел награды: четыре золотые и одну серебряную медали. Женился он на Степаниде Крупениковой, представительнице не менее знатного купеческого рода. У пары было двое сыновей и три дочери.

К 1828 году ему принадлежал дом «...каменный двухэтажный с подвалом и прочими службами и вновь выстроенным сзади к Казанскому монастырю каменным двухэтажным корпусом, крытым железом». Нынешний двухэтажный жилой дом, о котором шла речь в начале главы, судя по всему, и есть тот самый «каменный двухэтажный корпус», который появился между 1814 и 1828

годами и дожил до наших дней в перестроенном и надстроенном виде.

Страшный пожар 24 августа 1842 года, уничтоживший огромную часть Казани, не пощадил и урванцовское владение. Очередная перестройка кардинально изменила облик главного дома: на фасадах, выходящих на улицу, появились фронтоны, окна стали шире и выше.

После смерти Никифора Степановича усадьбу унаследовал его старший сын Лев Никифорович, потомственный почетный гражданин, торговец чаем.

Как и отец, он был влиятельным человеком, пользовался уважением и признанием в деловых сферах, являлся директором казанского купеческого банка, агентом страхового общества «Россия». Неоднократно его избирали в особый совет сберегательной кассы при Городской думе.

Супругой Льва Никифоровича Урванцова стала Пелагея Константиновна, дочь казанского промышленника Золотарева, имевшего мыловаренный завод.

Лев Никифорович тоже неоднократно достраивал и перестраивал усадьбу, а после его смерти владение унаследовал сын Александр с женой Анжелиной Людвиговной и детьми Верой, Надеждой и Юрием. Вместе с ними жил и младший брат Александра Николай, вскоре окончивший университет по юридическому отделению, а позже унаследовавший семейное дело.

А теперь, друзья, — внимание! Ибо сейчас речь пойдет о прямых предках наших героев. И это еще одна ветвь

рода Урванцовых, люди, сделавшие свою фамилию знаменитой не только в Казани, но и в Москве, Петербурге, а позже и за рубежом.

Николай Николаевич Урванцов, имевший собственный дом на Ново-Горшечной улице (ныне улица Бутлерова) был кузеном Льва Никифоровича. Согласно веяниям времени, он дал троим своим сыновьям Сергею, Льву и Николаю высшее образование, тем самым предопределив их дальнейшую судьбу.

Вот и замкнулся круг. Понятно теперь, какого рода-племени наши герои и как сложилась жизнь каждого. В дальнейшем разговор пойдет о судьбе внука Николая Николаевича, художника, Михаила. Но прежде...

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФАМИЛИИ «УРВАНЦОВ»

Согласитесь, она ведь довольно редкая. Мне, во всяком случае, впервые встретилась во время работы над «Синей птицей». А раньше — никогда. Конечно, захотелось узнать, что она значит и откуда взялась изначально.

Стала я искать, и с каждой новой статьей на эту тему мне все больше казалось, что тут таится какая-то насмешка... Не стану комментировать, приведу просто некоторые из них.

«Эта фамилия имеет латышское происхождение. Как и большинство фамилий из латышского языка, она была образована от имени существительного...»

«Эта фамилия имеет армянское происхождение. Чаще всего армянские фамилии образуются от имени, прозвища или профессии дальнего предка...»

А еще — белорусское, украинское и всякое иное. Коротче, полный интернационал. Но как это возможно!?

Мои сомнения разрешила следующая статья, которую хочу процитировать полностью.

«Фамилия Урванцов в 50% случаев имеет русское происхождение, в 5% — украинское, в 10% — белорусское, в 30% приходит из языков народов России (татарского, мордовского, башкирского, бурятского и т.д.), в 5% случаев происходит из болгарского или сербского языков. В любом случае эта фамилия образована от имени, прозвища, рода занятий или места жительства дальнего предка человека по мужской линии.

Фамилия Урванцов относится к разряду малораспространенной на территориях России. В имеющихся исторических материалах жители с этой фамилией относились к сословию аристократии из славянского муромского купечества, в XVI—XVII вв. имевшего почтенную царскую привилегию. Первые корни фамилии можно найти в ведомости жителей Древней Руси в пору царствования Ивана Грозного. У государя хранился особый реестр привилегированных и благозвучных фамилий, которые давались приближенным в случае особого расположения или награды. Поэтому настоящая фамилия сохранила свое оригинальное происхождение и является исключительной».

Да простят меня неизвестные авторы статьи за то, что я позволила себе исправить в тексте пару грамматических ошибок, а уж отнесение периода царствования Ивана Грозного к Древней Руси оставляю на их совести.

Михаил Львович Урванцов

МИХАИЛ

Я думаю о детстве этого одаренного мальчика, генетически унаследовавшего и талант, и тягу к театру.

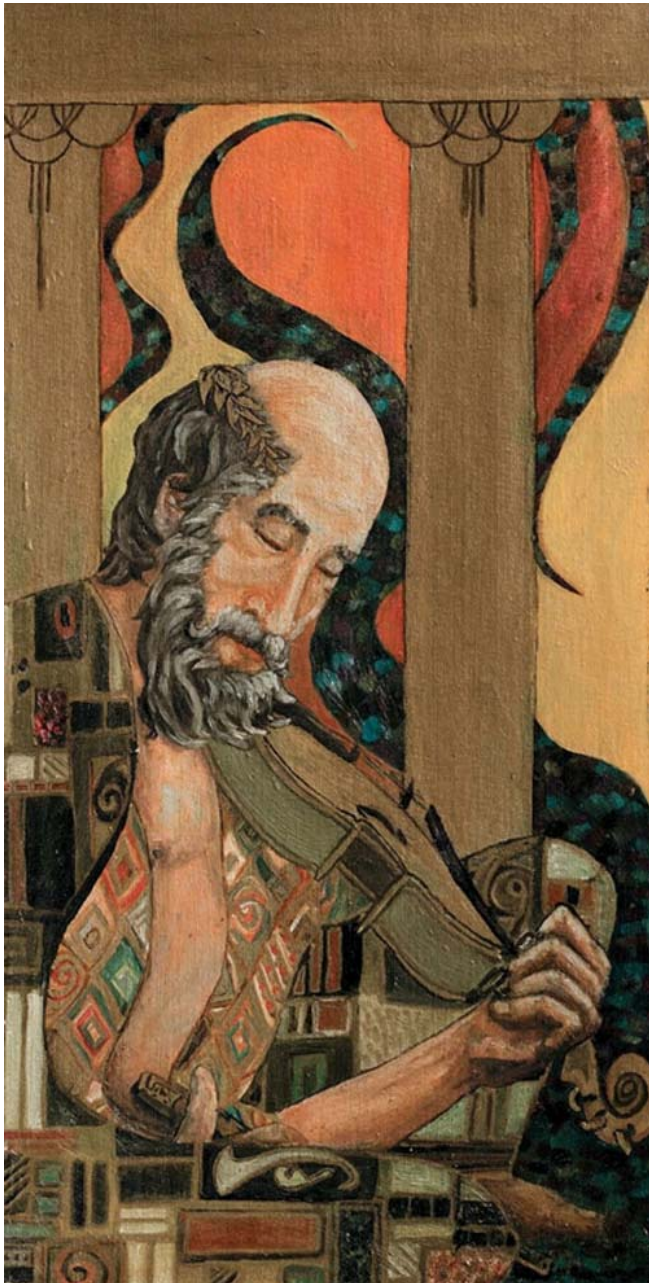
Он родился, когда отцу было 32 года, и семья уже прочно обосновалась в Петербурге. Кто из родителей первым заметил, что ребенок везде и всегда рисует? Вечно занятый, но любящий отец? Или обожающая сына мать?

Мне приходилось наблюдать такого ребенка, вдруг выпадающего из действительности и рисующего пальцем в воздухе ему одному видимые картины. Хотя, допускаю, что здесь все складывалось иначе... Известно, что живописи Миша учился у Н.К. Рериха и М.В. Добужинского. Где и как это происходило?

Рерих с апреля 1906 года был директором школы Императорского общества поощрения художеств, Добужинский преподавал в частных художественных школах Петербурга. Два выдающихся мастера заложили основы восприятия подростком искусства, и не удивительно, что в его поздних работах («Синяя птица», «Скрипач») прослеживается тяготение к декоративности и стилю модерн, приверженцем которого всегда оставался Добужинский.

Видимо, подросток делал серьезные успехи, потому что уже с семнадцати лет, с 1914 года, под руководством А.Я. Головина стал работать художником в Мариинском театре.

Грандиозное действо под названием «Гимн Освобожденному Трудю», состоявшееся 1 мая 1920 года в Петрограде у здания бывшей фондовой биржи на стрелке Васильевского острова, тоже не обошлось без Михаила Урванцова. Для

«Скрипач». Работа М.Л. Урванцова

масштабного мероприятия, где было занято свыше четырех тысяч человек, требовалась большая работа по художественному оформлению — и Урванцов участвовал в ней.

А чуть позже — в начале 20-х — он уже был в Берлине. Провел здесь в 1923 году две персональные выставки, делал костюмы и декорации для «Синей птицы», а потом его творчеством заинтересовался австрийский литературовед и театровед, поэт, прозаик, драматург, автор оперных либретто, прославившийся своим сотрудничеством с Рихардом Штраусом, Йозеф Грегор. Он пригласил нашего художника в Вену, где тот в 1927–1928 годах оформил в стиле модерн танцевальную пантомиму Грегора «Волчок».

Однако, есть другие свидетельства, проливающие свет на взаимоотношения отца и сына и заставляющие пред-

положить, что эти два года Михаил не постоянно жил в Вене, а лишь наездами.

ДОМИК В СОДАУ

Для того, чтобы обрисовать ситуацию, вернемся к рассказу о Льве Урванцове.

Перечисляя его занятия в эмиграции, я не назвала главного, само собой разумеющегося: он много писал. Писал романы, воспоминания о русских дореволюционных актерах и драматургах, пьесы. Писал в Берлине, позже в Праге и в Карловых Варах, которые звались тогда Карлсбадом.

В Праге Лев Николаевич жил относительно недолго. Все чаще давала себя знать старая болезнь сердца, серьезно пошаливала печень, и он переехал сначала в Карлсбад, где проходил курс лечения, а потом в деревушку Содау, расположенную в семи километрах от курорта. Там он почувствовал себя значительно лучше, подолгу гулял по окрестным лесам и даже поднимался в горы. Стал подумывать, нельзя ли задержаться, а может и осесть в этих, оторванных от цивилизации, но благодатных для здоровья местах.

О том, как его желание воплотилось в жизнь, приятель Урванцова-старшего журналист Константин Бельговский в 1927 году написал очерк под названием «Как Урванцовы сели на землю». Помимо того, что эта статья характеризует определенные человеческие качества отца и сына Урванцовых, это первый документ, показывающий нам их отношения друг к другу. (Поскольку в моей русской клавиатуре нет ни «ятей», ни буквы «и» с точкой наверху, цитирую ее, я вынуждена пользоваться современной орфографией.)

«Весной текущего года, — сообщает нам автор статьи, — писатель Л.Н. Урванцов уезжал лечиться в Карлсбад. Лечение... было затяжным, и он остался жить в Карлсбаде в небольшой комнатке при церковной библиотеке. Кстати, эта библиотека за весну была приведена Л.Н. в идеальный порядок, им были написаны новые каталоги, сделана картотека и т.д.

Летом к Л.Н. Урванцову приехал его сын, художник М.Л. Урванцов и жена сына — балерина».

Жаль, конечно, что имени и фамилии балерины автор не называет, но делать нечего, придется принять это как данность. Дальше мы узнаем, что Урванцовым удалось получить в банке небольшую ссуду «на постройку жилых помещений». А поскольку ее явно не хватало и на материалы, и на оплату рабочих разных специальностей, они принялись за дело сами.

«И вот, — продолжает Бельговский свой рассказ, — писатель, художник и балерина решили превратиться в простых рабочих.

Ранней осенью закипела работа, а к середине ноября с.г. (1927 — М.Б.) самодельный дом Урванцовых был уже вчерне готов... Но зато в октябре пришлось работать не на шутку: писатель размешивал цемент, балерина носила ведра с цементом на крышу (крыша сделана плоской), художник, забыв о кистях и красках, заливал цементом выступы на краях крыши... Сами стлали пол, пригоняли доску к доске, сами вправляли рамы... даже сами делали мебель, начиная от дивана, письменного стола и кончая кроватями и самостоя-

«Синяя птица». Работа М.Л. Урванцова

тельно сделанной Л.Н. корзиночкой для бумаг. Двое рабочих-профессионалов в сущности лишь помогли в кладке стен».

А тем временем Л.Н. Урванцов не прекращал писать. Параллельно строительству он завершил пьесу «Из дневника м-ль Елены» и приступил к работе над романом «Русский» «из быта купеческой провинциальной семьи Крупенниковых (орфография автора статьи — М.Б.). Героем романа является сын Крупенникова — Гурий, который в период с 1880 года по 1923 год переживает все этапы русской жизни». (Хочу напомнить читателям, что Степанида Крупенникова была супругой Никифора Степановича, сына основателя рода Урванцовых, и следовательно, персонажи романа вполне могли иметь реальных прототипов).

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ НА ЗАКАТЕ СВОИХ ДНЕЙ

Очевидцы вспоминали, с каким оживлением и добродушным юмором рассказывал писатель о строительстве в немецком захолустье, в деревеньке, неподалеку от Карлсбада, «Урванцовского гнезда», о том, как удивленно карлс-

бадские немцы взирали на трех русских, которые с помощью двух каменщиков самостоятельно возводили дом, разбивали вокруг него огород и цветник.

— Смотрите, — гордо говорил писатель, — чем этот стол, сотворенный из ящиков и обструганных нами досок, хуже покупного? Ведь работать за ним — одно удовольствие! А как хорошо вечером выйти на воздух, любоваться открывающимися вокруг просторами! Что греха таить, хочется порой в город, да жаль этого покоя, своего гнезда...

Увы, наслаждаться жизнью на природе писателю пришлось не слишком долго.

Летом и осенью 1928 года стал он все больше прихварывать, ощущать свое одиночество. Михаилу в это время приходилось часто оставлять отца, у него была кипучая творческая жизнь. В Праге он оформил оперу Н.А. Римского-Корсакова «Садко» в Национальном театре и устроил выставку театральных эскизов, в Братиславе участвовал как художник в создании балета П.И. Чайковского «Щелкунчик».

Последние письма Урванцова-старшего Бельговско-му были грустными. «Забыли Вы меня, — жаловался он, приглашая журналиста приехать в Содау. — А я хвораю и тоскую. Седею, старюсь и не бреюсь. Это все из-за романа «Чиновный Петербург». Скоро его кончаю. Уже написал 300 страниц. Да вот слег! Это все пустяки. Доканчиваем наш домик — еще осталось выбелить стены, оштукатурить дом снаружи и т.д., готовим обед, носим воду из ближайшего ручья... Ведем жизнь Робинзонов... Часто по неделе, кроме соседа крестьянина и почтальона, аккуратно доставляющего газеты и письма, никого не видим...».

Скончался Лев Николаевич Урванцов в карлсбадской городской больнице (а не в Праге, как значится в большинстве источников) 15 января 1929 года. Похоронить его решено было в Праге, на Ольшанском кладбище, которое называют некрополем эмиграции. Здесь, на православном участке, нашли последний приют многие известные и выдающиеся люди, вынужденно оставившие Россию после революции. В их числе — сестра и мать В.В. Набокова, писатели Е.Н. Чириков, П.А. Кречевский, А.Т. Аверченко, путешественник, писатель и журналист Василий Иванович Немирович-Данченко, старший брат знаменитого театрального деятеля, поэт Д.М. Ратгауз и другие.

Л.Н. Урванцов похоронен вблизи храма св. Успения, неподалеку от могил А.Т. Аверченко и И.И. Петрункевича.

Прожил он нелегкую и не слишком радостную жизнь, особенно во второй ее половине. Забвение и утешение находил в творчестве. И при мысли о нем сегодня мне очень хочется верить, что театроведы и историки литературы на родине обратят внимание на его наследие.

МИХАИЛ

Еще какое-то время он продолжал жить в Содау, наезжая оттуда в те края, где была у него работа. Еще какое-то время оставался в Европе. А потом... Наступили пресловутые тридцатые, по европейским странам, как дурная болезнь, стал распространяться фашизм.

В каком именно году Михаил Урванцов перебрался на другой континент, история умалчивает. Так или иначе, он оказался в Латинской Америке.

Поселился в Аргентине. Много и плодотворно работал в разных жанрах (если можно назвать их жанрами) изобразительного искусства. Делал эскизы декораций для театров Буэнос-Айреса, писал акварельные пейзажи, выполнял монументальные росписи. Ему принадлежат фрески в католическом соборе св. Розы и, в частности, запрестольный образ Богородицы Вечной Помощи, созданный художником в русском стиле.

Участвовал Урванцов во многих групповых выставках, а в 1948 году совершил турне по Аргентине, Боливии и Перу, где провел выставки персональные. Затем обосновался в Лиме.

В 1951 году его выставка прошла в нью-йоркской галерее Carnegie-Leger и тогда же он был приглашен католической организацией в Испанию для исполнения церковных росписей. Посетил художник страну не с пустыми руками: привез и представил на суд общественности выставку

своих работ «Пейзажи древней столицы инков Куско».

Видимо, Испания и Михаил Урванцов понравились друг другу, потому что спустя три года, в 1954 году, он вновь приехал туда и остался жить в Мадриде.

В информационных источниках дальнейшая биография нашего героя укладывается в пару абзацев: «Много путешествовал по стране. Писал пейзажи провинций по заказу журнала Испанского географического общества, выполнял заказы на монументальные работы, расписывал храмы. В 1954 году провел две персональные выставки «Замки Испании» в Музео Романтико и в Сентро Галлего в Мадриде, после чего последовали его выставки в Сантьяго-де-Компостела, Барселоне и Куэнке.

Министерство туризма Испании купило 22 его акварели, а Министерство иностранных дел планировало его выставочное турне по Латинской Америке.

Выпускал альбомы рисунков и литографий, посвященных испанской истории (серия «Lugares historicos»), образам и типам современной Испании и Латинской Америки. Что еще можно добавить к сказанному?

О нем писали, выходили статьи и рецензии, посвященные его творчеству, в том числе и на русском языке. Да вот относятся они к далеким 50-м и 60-м годам прошлого века, и разыскать их не представилось возможным.

Неизвестна ни точная дата его ухода («не ранее 1976»), ни место захоронения. Остается только предположить, что умер и похоронен Михаил Львович Урванцов там же, где и жил последние годы, — в Мадриде.

ХУДОЖНИК — О ХУДОЖНИКЕ

Однако этот рассказ был бы неполным без завершающего его штриха, без живого воспоминания одного художника о другом. Младший современник Урванцова, Сергей Львович Голлербах, бывший наш соотечественник, ставший позже «гражданином мира», в чем-то повторил судьбу Михаила Львовича.

В другие времена, при других исторических условиях, он прошел путь, аналогичный урванцовскому: родина (уже не Россия, а Советский Союз) — фашистская Германия, куда он был вывезен немцами во время Великой Отечественной из оккупированного пригорода Ленинграда и где остался после окончания войны учиться в Мюнхенской академии художеств — переезд в 1949 году в США.

Урванцов, правда, потом вернулся в Европу, а Голлербах остался жить в Нью-Йорке.

Живописец и график, он регулярно демонстрировал свои работы на групповых и персональных выставках, а позже стал писать статьи об искусстве, очерки об Америке и воспоминания о важных событиях и эпизодах своей жизни, об интересных встречах. В 2003 году они вышли в Петербурге, в сборнике под названием «Свет прямой и отражающий».

Несколько встреч с Михаилом Урванцовым запечатлены автором в очерке «Дон Мигель и сеньор Влади». Не пытаясь пересказывать его содержания, остановлюсь лишь на конкретных впечатлениях Голлербаха от знакомства, случившегося летом 1970 года в Мадриде.

Итак, художник пришел в гости к художнику.

«Мне открыл дверь небольшого роста сухощавый старик (как я потом высчитал, Михаилу Львовичу было тогда 73 года).

Квартира его имела довольно буржуазный вид, никакого художественного беспорядка. На стенах висело несколько рисунков — вот и все, что я помню. Михаил Львович представил меня своей жене испанке, довольно молодой еще дородной женщине, и я как-то сразу понял, что это ее квартира и ее вкус.

Очень сейчас жалею, что мало расспрашивал Урванцова о его жизни и творчестве (а уж мы-то как жалеем! — М.Б.), возможно потому, что ясно было — его лучшие годы остались позади. Он же сразу стал меня расспрашивать, кто я, откуда и так далее. Видно было, что жизнь его замкнутая и он отрезан от мира современного искусства. О себе он говорил мало, сказал только, что художником стал еще в России, имел отношение к театру, долгое время жил в Аргентине, потом приехал в Испанию, где женился на донье Марии и что брак его получил благословение самого Папы Римского».

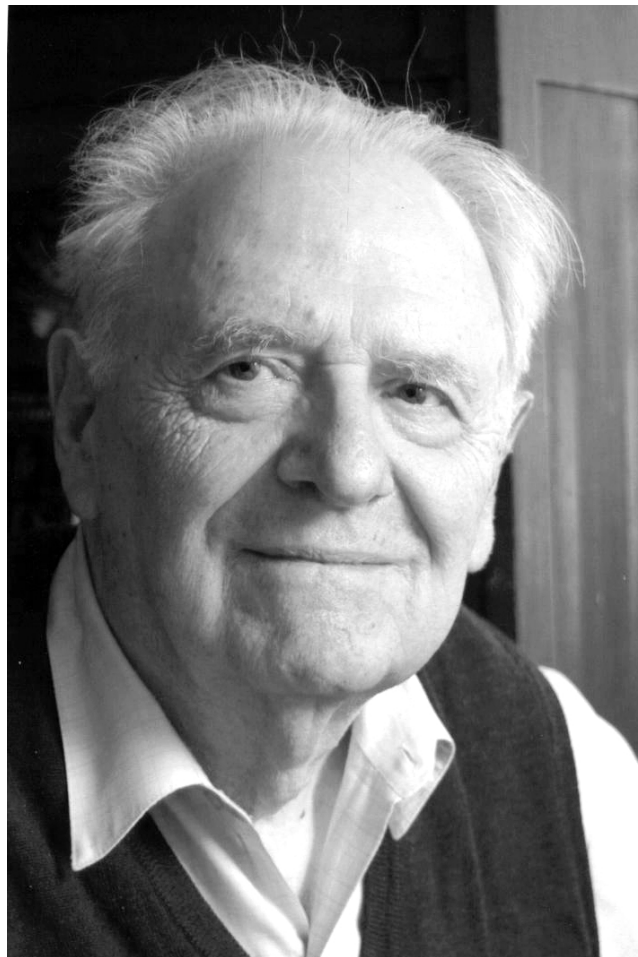
На этом месте вспомнилась мне первая жена художника, та самая безымянная балерина, которая вместе с ним и его отцом возводила «Урванцовское гнездо» в деревушке под Карлсбадом... Куда она потом исчезла? Как сложилась ее судьба? Все те же вопросы, так и оставшиеся без ответов...

«Сейчас, по прошествии тридцати с лишним лет, — продолжал Сергей Львович, — трудно вспомнить, о чем мы говорили в ту первую нашу встречу, но во всяком случае Михаил Львович пригласил меня прийти к нему на ужин, а до ужина он пообещал показать мне кое-что в Мадриде, неизвестное никаким туристам».

И показал. Как минимум три достопримечательности, известные только самим испанцам, да тем еще, кто связал с ними свою судьбу. А потом... «Время уже шло к вечеру, и мы заторопились домой, где нас должна была ждать паэлья — типично испанское блюдо из риса, курицы, креветок и моллюсков. У самого дома Михаил Львович вдруг вспомнил — надо купить особое вино, которое подается именно к этому блюду.

Он остановил прохожего и попросил того купить и принести вино по такому-то адресу. «Вы уверены, что этот первый встречный выполнит Вашу просьбу?» — спросил я. «О, да, испанцы честный народ». Придя домой, мы уселись за стол, и донья Мария вынесла большую миску паэлья, наверху которой красовался очень усатый лангуст. Но вина все еще не было, и я стал высказывать сомнение, получим ли мы его вообще. «Нет, нет, не беспокойтесь, вино будет», — заверил меня Михаил Львович. И, действительно, минут через десять бутылка была доставлена, причем, как сказал мне хозяин дома, посыльный извинился, что задержался — в ближнем магазине этого вина не оказалось и пришлось идти дальше. «Я же говорил Вам — испанцы честный народ», — с улыбкой сказал Михаил Львович».

Когда Голлербаху пришло время покидать Мадрид, художники договорились о дальнейшей переписке.

Художник Сергей Львович Голлербах

Причем старший просил адресовать письма на имя «сеньора дона Мигеля Урванцова».

Переписка, действительно, завязалась и какое-то время продлилась. Потом угасла. Ничто не вечно под луною. Но воспоминания Сергея Львовича относятся уже к XXI веку, ко времени, не столь далекому от наших дней, приближают к нам события прошедшие, но не забытые.

* * *

А что же нынешние писатель и художник? Как обстоят их дела?

Живут. Работают.

Писатель недавно закончил очередную повесть.

Художник готовит к открытию большую персональную выставку.

Творческий труд, как известно, дело нелегкое. Требуется постоянного умственного и эмоционального напряжения, ни на миг не отпускает. А без него жизнь кажется пустой и бессмысленной.

Пожелаем же им успехов и удовлетворения от свершенного.

Хотя творческие люди никогда не бывают собой довольны. И это нормально. ИБ